

Mrázek, Roman

Рабочие итоги симпозиума

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 391-393

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120897>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РАБОЧИЕ ИТОГИ СИМПОЗИУМА

Организационный комитет вверил мне весьма трудное задание — подвести предварительные итоги работе симпозиума. Я постарался учесть все доклады и выступления в прениях. Разумеется, что предлагаемые ниже положения не могут не отражать в известной степени те субъективные взгляды, которые свойственны коллективу грамматистов-славистов здешнего университета. Даются эти положения в самом сжатом виде, с распределением на 12 пунктов.

1. Необходима дальнейшая теоретическая разработка основных, онтологических проблем, которая будет опираться на логико-философские, общесемиотические и психолингвистические аспекты. Надо все глубже исследовать такие общие проблемы, как-то: Какова сущность модальности, ее иерархизация и природа ее отдельных ярусов? Какое место она занимает в отношении к другим сферам речевой коммуникации? Каковы ее смежные области?

2. Целесообразно стремиться к возможно точной, относительно единой терминологии, хотя бы кардинальных понятий. В этой связи встает настоятельная терминологическая проблема обозначения основных модальных пластов на синтаксическом уровне. Вместо терминов „объективная“ и „субъективная“ модальность лучше пользоваться названиями „общая“ (= конститутивная, облигаторная) и „частная“ (факультативная) модальность, но для двух разновидностей последней пока что не были предложены вполне удовлетворительные обозначения (с одной стороны, *волюнтативная*, или *интенциональная*, или *нецесситативно-поссибилитная модальность*, а, с другой стороны, *персуазивная*, или „истинностная“, или *сертификативная модальность*). Намечается потребность постепенной выработки метаязыка, чтобы можно было добиваться содержательного и общепонятного описания соответственных явлений.

3. Модальность — понятие комплексное, содержание и объем которого могут быть заданы лишь арбитражным порядком. Она касается преимущественно синтаксического яруса языка, охватывая одновременно также и морфологический, лексический и звуковой планы. Участники симпозиума, в общем, высказывались за широкую трактовку сферы модальности.

4. С другой стороны, однако, важно в принципе отличать семантико-грамматическое поле модальности от области эмоциональности, как и от мало выясненной пока сферы т. наз. *оценочных отношений*, несмотря на наличие взаимосвязей, взаимонаслоений и „синдромности“ всех этих трех областей.

5. Первостепенную важность имеет исследование грамматических средств, т. е. способов категориального выражения общих и любых частных

модальных значений. На симпозиуме уделялось внимание прежде всего синтаксическим средствам. В ряде докладов и выступлений были, однако, справедливо затронуты также и морфологические, лексические и другие языковые средства, обслуживающие общий модальный статус высказывания и его частные модификации. Оказывается, что лексические средства нельзя игнорировать даже при рассмотрении модальности на синтаксическом уровне, по крайней мере не такие средства, которые: а) изофункционально взаимодействуют с грамматическими, б) являются носителями основных модальных значений воли, возможности и необходимости. Притом можно допустить, что кое-что из описания других лексических средств входит уже в предмет исследования т. наз. теории речевого акта („риторики“), как супрасинтаксического уровня.

6. Глагольный модус, играя первоочередную роль, никак не должен быть отождествляем с модальностью всего высказывания. Категория же глагольного времени лишь при определенных условиях (контекста, интонации и своей конкретной манифестации) может стать релевантным фактором модальной значимости в синтаксическом ярусе. Весьма плодотворна идея о синтаксическом модусе и о синтаксическом времени. Принимая в расчет нередкие случаи функциональной транспозиции наклонений (напр., императива в неимперативные значения), а также и потребность точно определять формальные признаки моделей повествовательных, вопросительных, побудительных и оптативных высказываний, необходимо будет в будущем далее разрабатывать особенно вопрос о синтаксическом наклонении, в связи с предлагавшимся некоторыми участниками симпозиума подчиненным понятием *синтаксического волюнтатива* (как описательной формы, состоящей из частицы + морфологического индикатива или кондиционала).

7. Подход к толкованию явлений модальности может в принципе осуществляться не только от формы к содержанию, но и от содержания к форме. Именно другой путь дает возможность вскрывать интереснейшие расхождения и совпадения в отношении того, как тождественные или близкие денотативные значения на уровне глубинной структуры получают в разных славянских языках соответственную стилизацию поверхностной структуры и, в связи с этим, свои специфические сигнификативные значения. Прагматические же значения лишь совсем периферийно могут вызывать интерес синтаксистов.

8. Нельзя утверждать, будто бы факты модальности относятся только (или преимущественно) к плану речи. Напротив, если их десигнаторы носят сверхиндивидуальный характер, то они тем самым входят уже в план языковой системы. Таким образом, наряду с чисто структурными схемами предложений, существуют системные схемы высказываний, отличающиеся по общей, конститутивной модальности; кроме того, имеются также — правда, менее грамматичные — схемы типов высказываний, наделенных той или другой частной модальностью. Отвлеченная схема предложения в плане языка бывает, как правило, в принципе модально индифферентной, модальность в ней заложена только как необходимая латентная способность. При конкретной речевой реализации данной схемы эта способность, превращаясь в необходимость, вместе с признаком времени, должна облечься в ту или другую конкретную манифестацию. Категория модальности совместно с категорией синтаксического времени и создает категорию предикативности.

9. Оказывается, что при модальности, как и при многих других лингвистических феноменах, нужно признавать наличие определенных основных, исходных категорий. (Взаимоотношение понятия *исходных* и *немаркированных* категорий нуждается, правда, еще в дальнейшем уточнении.) Это — констатация, с синтаксическим индикативом, в аффирмации, без какого бы то ни было частного интенционально-нецесситативного или персуазивного значения. (Поэтому славянские инфинитивные односоставные конструкции не входят в круг исходных структур.) Производные структуры, однако, нельзя подвергать дискриминации — они составляют, по крайней мере в части своей, звенья синтаксической парадигмы предложения (в плодотворном понимании Н. Ю. Шведовой).

10. Модальность есть, в конечном счете, дело автора высказывания, его коммуникативной установки и замысла. Модальное оформление говорящим его мысли представляет как бы продукт сети фильтров, через которые от рудимента данной диктальной базы на входе, получается конкретное сообщение на выходе. Это значит, что в создании актуальной модальной значимости участвуют: объективная действительность (т. е. положение вещей в денотате), возможная точка зрения к ней других лиц, отношение производителя преддицируемого признака (если производитель имеется) к реализации этого признака, характер адресата и отношения к нему говорящего, обстановка речевого акта и, наконец, отражение говорящим всего этого при окончательном оформлении мысли, придание высказыванию того или другого общего или даже частного модального обличия. Таким образом, модальность включает в себе не только отношение говорящего к действительности, но, вернее, отношение ко всем компонентам речевого акта.

11. Приемы генеративно-трансформационной грамматики весьма полезно использовать, главным образом, при изучении условий генерирования производных модальных построений. Они во многом способствуют ясности, объективности описания и более глубокому познанию нашего предмета исследования. С другой стороны, надо остерегаться самоцельных процедур, лишенных подлинной познавательной ценности. Примером перспективной методологии могут здесь послужить работы Р. Ружички.

12. Важно не только исследование семантико-формальных параметров этого отрезка языковой системы по каждому славянскому языку отдельно, но также и в сопоставительном, сравнительном и типологическом аспектах (ср., например, изыскания М. Ивич). Притом необходимо вскрывать прежде всего „грамматикум“, стараясь давать точные эквиваленции, как и функционально-стилистические характеристики, согласно требованиям функциональной, структурной лингвистики. Чрезвычайно полезным является изучение диахронии фактов, как и внимание данным диалектов и живой, устной речи.

